

12
1968

НОСТРАННАЯ

литература

Э. КАРХУ

ПУТЬ К РЕВОЛЮЦИИ

(Уроки Майю Лассила)

Знакомство русских читателей с Майю Лассила началось с переводов Михаила Зощенко. Как говорится, нет худа без добра: в конце сороковых годов, когда самого Зощенко печатали неохотно, в поле его зрения попали две юмористические повести Лассила: «За спичками» и «Воскресший из мертвых», которые он вскоре и перевел. Этому не столь частому совпадению, когда и автор и переводчик оба незаурядные юмористы, Лассила обязан тем, что по-русски он сразу заговорил в полную силу. За превосходными переводами Зощенко последовали другие, сделанные другими переводчиками, и так Лассила стал известен в стране, с которой еще в начале столетия переплелась его судьба и язык и культуру которой он хорошо знал.

В Финляндии Лассила давно пользуется популярностью, его повести переиздаются, его комедии играют на сцене. Словом, непреходящая ценность его творчества проверена временем, хотя все еще остается немало разных «но». Дело в том, что жизнь и творчество Алгота Тиятявийнена (Унтюла), писавшего под разными псевдонимами, но более всего известного под женским именем Майю Лассила, на редкость полны загадок и парадоксов, и едва ли найдется в финской литературе другой писатель, который бы так озадачивал своих биографов и истолкователей.

Не совсем обычно уже то, что в литературу Лассила пришел в сравнительно позд-

нем возрасте. Когда в 1909 году, под псевдонимом Ирмари Рантамала, вышел первый его роман «Хархамма», младший его современник Эйно Лейно, родившийся десятилетием позже, успел написать уже лучшую часть того, что принесло ему славу крупнейшего финского поэта. Если тридцатилетний Лейно, страдая от разлада с эпохой и с самим собою, сетовал на раннюю старость и невесело шутил, что отныне он больше занят сочинением завещаний, чем стихов, то Лассила в начале пятого десятка лишь приступал к осуществлению своих замыслов. Для него как писателя все было еще впереди, он только искал себя и был преисполнен столь грандиозных планов, какие обычно свойственны юности, склонной возмещать недостаток опыта безоглядной решимостью. Писательская молодость Лассила проявлялась и в его подверженности всевозможным литературным влияниям, и в той резкости, с которой он затем порывал с этими влияниями, нащупывая свой путь через сложные изломы и крайности.

Но, начав поздно, Лассила входил в творческую силу с редкостной напористостью и энергией. Словно предчувствуя, что судьба отмерила ему немного лет, он работал с подвижническим самоотречением, выпуская по три, четыре и даже девять книг в год — таким рекордным для него оказался 1912 год, когда отдельными изданиями вышли три его комедии и шесть больших рассказов. Между прочим, обилие псевдонимов, к которым прибегал Лассила, объяснялось отчасти и тем, что издатели находили неудобным издавать столько книг под одним именем — читатели-де могли заподозрить что-то неладное. Читателям и впрямь было трудно вообразить, какого напряжения стоили автору эти книги.

Однако с псевдонимами писателя связано еще и другое, более удивительное обстоятельство: избирая новый псевдоним, автор до неузнаваемости изменял и прежнюю манеру письма, так что каждому псевдониму

соответствовал и свой особый творческий почерк. Читателю юмористических повестей писателя и зрителю его веселых комедий — а именно эти произведения вышли под псевдонимом Майю Лассила и сделали его знаменитым — нелегко, например, понять, что общего они имеют с другими, менее известными его книгами, вышедшими под псевдонимами Ирмари Рантамала и И. И. Ватанен. По кругу тем и характеров, по авторскому мироощущению и общей атмосфере повествования это настолько разные вещи, что даже современники писателя, не посвященные в издательскую тайну, были уверены в их принадлежности разным авторам.

При не очень глубоком прочтении юмористических повестей Лассила, таких как «За спичками» или «Воскрешший из мертвых», у читателя может возникнуть — и нередко действительно возникает — недоуменный вопрос: в чем тут дело, почему именно Лассила, этот щедрый выдумщик смешных историй о незадачливых сельских простаках или о городском босяке Ионни Лумперч, любителе выпить и охотнике до сомнительных авантюр, но столь же далеко от всех политических проблем эпохи, — почему именно Лассила явился одним из немногих крупных финских писателей, кто в 1918 году безоговорочно встал на сторону восставшего народа и сохранил ему верность вплоть до трагического финала, приняв смерть от белогвардейских пуль? Иными словами, есть ли какая-нибудь связь между писательским и политическим обликом Лассила, между его юмором и революционной публицистикой, между его творческой эволюцией и напряженными политическими исканиями с их конечным итогом — приходом писателя в революцию?

Видимо, сама постановка подобных вопросов применительно к «странному» Лассила представляется некоторым финским его исследователям настолько проблематичной и бесперспективной, что они обычно не утруждают себя размышлениями в этом направлении и тем самым лишь подкрепляют миф о фатальной раздвоенности писателя, превращая его в загадочного сфинкса.

Дело осложняется еще тем, что и политическая биография Лассила тоже полна превратностей и изломов. Например, период довольно продолжительного его общения с русскими революционерами в Петербурге (1900—1904 годы) неожиданно сменился периодом активного его сотрудничества с так называемыми старофиннами — самой консервативной тогда в Финляндии буржуазной партией, отличавшейся как раз соглашательской политикой по отношению к царизму. Затем, основательно уже разочаровавшись в этой партии, Лассила временно отошел от политической деятельности и годами вел до такой степени непонятный образ жизни, словно нарочно задавал целью оставить потомкам загадку о странном чуде-нелюди. Недавний политический агитатор и публицист, искавший живого контакта с аудиторией, теперь накрепко заперся в полутемной подлестничной каморке одного из хель-

синкских домов и решительно избегал встреч с кем бы то ни было; от соседей по дому он тщательно скрывал свое имя и писательскую профессию, значась в домовой книге как разнорабочий, а от всех прочих таил свой адрес, прося присылать корреспонденцию только до востребования; он сам готовил себе пищу, убирал комнату, а дела с издательством, до которого можно было запросто дотти пешком, вел только по переписке, наотрез отказавшись от личных встреч с редакторами своих книг, как бы его об этом ни просили. Росла его литературная слава, но самого писателя никто не видел, потому что публично он нигде не появлялся, даже на прогулку выходил украдкой. Такая отшельническая жизнь длилась лет пять-шесть, и это были годы напряженнейшего литературного труда. Лассила работал до изнурения и подчас жаловался, что писательство превратилось для него в каторгу, принося при этом очень скромное материальное вознаграждение. Но странное дело, каким бы малодоходным занятием ни была в ту пору литература в маленькой Финляндии, Лассила и тут вел себя весьма своеобразно. Когда ему за первую юмористическую повесть была присуждена литературная премия, он через газету отказался от нее, не выдвинув достаточно ясных мотивов. А гонорами за свои книги он довольствовался настолько мизерными, что сами издатели, как известно, отнюдь не отличающиеся избыточной щедростью, удивлялись скромности его требований.

И вот, после многих лет такого добровольного и изнурительного затворничества, в жизни Лассила вновь произошел крутой поворот. В 1916 году в социал-демократической газете «Тюэмиес» он опубликовал свои знаменитые «Письма буржуа», в которых открыто порвал с буржуазными партиями, свел старые счёты со старофиннами и заявил о своей солидарности с социалистическим рабочим движением. В последующие годы Лассила сотрудничает в этой газете, а в трагические дни апреля 1918 года, когда финляндская революция приближалась к своему поражению, он безвыходно проводит дни и ночи в полуопустевшей редакции «Тюэмиес» и пишет мужественные воззвания к красногвардейцам. В редакции, на своем посту, Лассила оставался вплоть до захвата революционным Хельсинки немцами из дивизии фон дер Гольца и финскими белогвардейцами.

Если не приложить усилий к тому, чтобы шаг за шагом выяснить, какая же внутренняя работа происходила в голове Лассила в тиши хельсинкской каморки и каким образом в отшельнике накапливалась вырвавшаяся затем на волю страстность революционного трибуна, то этот главный итог его жизни может действительно показаться непонятной загадкой.

Надо сказать, что по иронии судьбы о писателе, павшем жертвой классовой мести контрреволюционной буржуазии, пытались писать в сочувственном и похвальном тоне именно те из наиболее консервативных бур-

жуазных литературоведов, которые в еще большей степени сочувствовали победе контрреволюции. Что это, попытка хоть чем-нибудь «искупить» или смягчить жестокую вину своего класса? Как бы то ни было, но ни Э. Райло, ни В. А. Коскеними, ни Р. Коскимес, авторы статей и предисловий к посмертным изданиям сочинений писателя, вовсе не отличались прогрессивностью своих общественно-литературных взглядов. Однако в Майю Лассила они довольно дружно признали писателя выдающегося, одного из самобытнейших финских юмористов, беспорного классика, чье творчество включалось в академические истории национальной литературы, — исключение, которого буржуазное литературоведение до недавнего времени не делало ни для одного другого финского революционного писателя. Только в последней, восьмитомной «Истории финской литературы» нашло, наконец, свое место при характеристике литературного процесса также творчество рабочих писателей, в чем несомненно сказалось положительное влияние общей демократизации финской жизни в послевоенный период.

В раннем признании Лассила буржуазными литературоведами «повинен», конечно же, его крупный художественный талант. Однако это признание имело и продолжает иметь однобокий и ограниченный характер. Не без основания считая наиболее ценным в литературном наследии писателя его юмористические произведения, буржуазные литературоведы искусственно отрывают в нем талант юмориста от всей совокупности черт его личности, от эволюции его мировоззрения, идейных исканий, политической биографии. В особенности смущает буржуазных исследователей итог сложной жизни Лассила, его приход в лагерь революции, к социалистическому рабочему движению. В революционной публицистике писателя они хотели бы видеть лишь достойную сожаления «ошибку», результат «болезненной неуравновешенности характера», минутный взрыв «личного жесточения» и т. д. Впрочем, о последнем периоде жизни и о гибели Лассила обычно говорится очень бегло, как о чем-то не относящемся непосредственно к теме и упоминаемом лишь ради приличия, со вздохом сожаления и смиренной покорности перед роком.

По сравнению с прежними статьями и предисловиями более содержательна книга Эльзы Эрхо о Майю Лассила, вышедшая в 1957 году. Эта первая большая работа, написанная на широкой документальной основе, кладет начало научной биографии Лассила и вместе с тем вносит весомый вклад в изучение его творчества. Однако и в этой работе не до конца преодолен искусственный разрыв между художественными и общественно-политическими устремлениями писателя. Правда, за юмором его исследовательница признает определенное социальное наполнение, что выгодно отличает эту книгу от некоторых работ других авторов. И все же целостного представления о Лассила не получается. Когда в конце книги исследователь-

ница кратко упоминает о революционной публицистике писателя, эти последние страницы оставляют впечатление более или менее формального постскриптума, без строгой логической связи с главным содержанием исследования. Переход Лассила на позиции рабочего класса является для Э. Эрхо не закономерным итогом его сложного духовного развития, а чисто случайным фактом его биографии, такой же «ошибкой», как и для Р. Коскимес, назвавшего участие писателя в революции «очередной главой его романа «Хархама», то есть очередным его заблуждением (имя Хархама происходит от слова «блуждать»). Сама трагическая судьба Лассила, столь тесно связанная с его эпохой и ее классовыми битвами, утрачивает в книге Э. Эрхо свои конкретные социально-исторические очертания и абстрагируется в некую извечную трагедию рока. Исследовательница видит в писателе «катастрофический тип» человека, обреченного на бесконечные блуждания и фатально движущегося навстречу своей гибели.

Если буржуазное академическое литературоведение питает преимущественный интерес к Лассила-юмористу и по примеру Р. Коскимес утверждает, что в этом своем качестве он чужд политике, то со стороны финского рабочего движения главное внимание уделяется как раз другой стороне его наследия — тем социальным романам и статьям, которые писатель опубликовал под псевдонимом Ирмари Рантамала. Самый последний пример в этом смысле является двухтомное исследование Р. Палмгрена о пролетарской литературе Финляндии (1966), в которой глава о Лассила ограничивается обзором именно этой части его творчества, не включая юмористических произведений. Таким образом, раздвоенность писательского «я» Лассила как бы разделяет и его исследователей.

Представляется, однако, что неправомерно столь резко отделять Лассила-юмориста от Ирмари Рантамала, потому что к революционной публицистике он пришел во многом именно через творчество юмориста и сатирика. Лассила-юморист в наименьшей мере связан с революционной эпохой и ее проблемами, чем в других своих произведениях, только связь эта иная, определявшаяся между прочим и эстетической спецификой юмора.

Лассила неотделим от революции, и есть нечто символическое в том, что в 1968 году, когда прогрессивная общественность Финляндии широко отмечает пятидесятилетие героических дней 1918 года, исполняется столетие со дня его рождения (и пятидесятилетие со дня его гибели). И совершенно естественно, когда на страницах демократической печати рядом с материалами о событиях революции — статьями, старыми фотографиями, воспоминаниями ветеранов — помещаются также материалы о Лассила.

Э. КАРХУ
ПУТЬ К РЕВОЛЮЦИИ

Газета «Кансан уутисет», орган Коммунистической партии Финляндии, перепечатала, в частности, предсмертную статью писателя «Полагаясь на свои собственные силы», написанную им накануне падения революционного Хельсинки и посвященную задачам финского рабочего движения. Сознывая весь трагизм настоящего, Лассила тем не менее думал о будущем. Он призывал рабочих в самом поражении обрести новое мужество и всемерно укреплять свою политическую организацию. Редакция «Кансан уутисет» справедливо назвала эту статью духовным завещанием писателя финскому рабочему классу.

Конечно, Лассила — сын своего времени, которое ставило перед ним совершенно конкретные задачи. Но вместе с тем немного найдется в финской литературе писателей, которые бы с такой страстью были обращены в будущее, как этот талантливый художник-юморист и революционный мечтатель.

В публицистике Лассила можно встретить мысли, которые не поразят современного читателя новизной именно потому, что они настолько близки нашим сегодняшним представлениям о тех или иных событиях прошлого, что мы не всегда даем себе отчет в том, когда эти мысли были высказаны. Например, в самом начале 1918 года, сразу же после признания Советским правительством государственной независимости Финляндии, Лассила написал по поводу этого акта великодушную статью «В час расставанья». В ней все точно и прозорливо, и можно смело сказать, что в Финляндии не было тогда другого писателя, кто бы так глубоко понял всемирно-историческое значение Октябрьской революции и задачи финского рабочего класса, равно как и его интернациональный долг по отношению к Советской стране.

Но есть у Лассила и такие высказывания, которые, будучи вырванными из исторического контекста, могут показаться не совсем созвучными сегодняшнему дню. Например, в упомянутой статье «Полагаясь на свои собственные силы» Лассила, питавший еще незадолго до того надежды на то, что финская интеллигенция будет на стороне революционного народа, но затем разочаровавшийся в этих надеждах, весьма настойчиво проводил мысль, что впредь рабочему классу следует рассчитывать только на себя, не строя иллюзий относительно «образованного класса». Сегодня, когда и численность и общественная роль интеллигенции значительно возросли и когда вопрос о ее широком участии в борьбе за демократию и социализм оживленно обсуждается в коммунистической печати Финляндии, упомянутое утверждение Лассила представляется нуждающимся в коррективах. Но и в этом случае позиция писателя нельзя упрощать. Примером собственной жизни и самой своей гибели Лассила доказал, что подлинная духовность несовместима ни с противодействием ходу истории, ни с забвением народных интересов.

Связь Лассила с сегодняшним днем не сводится только к тому, насколько актуаль-

но звучит та или иная отдельно взятая его мысль. Его творчество и опыт его жизни дают богатый материал для постановки более широких проблем, не менее жгучих сегодня, чем полвека тому назад. Из них хотелось бы выделить две: проблему выбора писателем места в общественной борьбе и связанную с ней проблему принципиально нового изображения крестьянства у Лассила, которая небезынтересна хотя бы потому, что «крестьянских» писателей немало и в современной финской литературе — достаточно указать на ее крупнейшего романиста Вайне Линна.

Проблема выбора в ее современном звучании была впервые поставлена в финской литературе именно революционной эпохой, в начале XX века, когда в Финляндии появилось социалистическое рабочее движение. До этого в финской литературе была мятежная поэзия Каарло Крамсу, были пьесы и повести Минны Кант, посвященные «рабочему вопросу», в некоторых произведениях выдвигалась дилемма повиновения или неповиновения героя «законной» власти. И только в предгрозовой обстановке революции проблема выбора была осознана литературой как вопрос: социализм или капитализм?

Именно этот вопрос преследует автобиографического героя первого романа Лассила. Бунтарь по натуре, но бессильный сделать выбор в надвигающейся борьбе, герой романа Хархама подвержен бесконечным сомнениям. Чтобы как-то преодолеть их, он даже пытается утешить себя мыслью, что-де выбор вовсе и не его личное дело: он должен лишь разбудить в массах ненависть к несправедливому строю, а там уж пусть сами массы решат, на какой основе — социалистической или с сохранением частной собственности — создать более совершенное общество. Однако для целенаправленных действий такой утешительной мысли недостаточно, она не спасает Хархама от метаний и приводит его к такому же этическому скептицизму, к которому сорок лет спустя пришел герой первого романа В. Линна «Цель», кстати сказать, тоже автобиографического. Оба героя знакомы и с бедственным положением рабочих, и с гнетом в деревне, оба они стремятся найти точку приложения своим силам и обрести ясную цель, но в то же время их «правдоискательство» носит чисто умозрительный характер: в целях отдельных общественных классов и политических партий они усматривают в лучшем случае лишь какую-то часть искомой ими правды, которая полностью присутствует только в их отвлеченных мечтах. Эту умозрительную «правду», с апелляцией к христианскому гуманизму, они хотели бы «открыть» массам, поскольку реальная классовая борьба кажется им в чем-то нравственно ушербоной. Хархама в романе Лассила занят тем, что в течение многих лет пишет сочинение, в котором намерен явить миру новую истину, он видит себя в роли мессии, служение «всемир-

ной нищете» превращается для него в религию.

Невозможность для Лассила уже в период «Хархама» решить проблему выбора в пользу социализма была связана с идеализацией крестьянства, не столь уж редкой среди финских писателей той поры, особенно так называемого «неоромантического» направления. После Петербурга Хархама, как и сам Лассила, попадает в глухую финскую деревню, не случайно в сценах предвыборной борьбы оппонентами социалистических агитаторов выступают крестьяне, к доводам которых Хархама прислушивается не без сочувствия. Если еще недавно, при всех своих сомнениях, он мог восхищаться целеустремленностью и классовым самосознанием русского рабочего Николая Петрова, то теперь его приводят в религиозный экстаз патриархальные «лесные жители», их мужественная борьба с природой и лишениями. Он начинает видеть в них богов и говорит, что ваятель должен лепить с них величественный образ Зевса, а все вместе они составляют для героя великую «книгу жизни», нечто вроде священного писания. Политическим же итогом этой эстетизации патриархальности было как раз то, что Хархама, вчерашний участник тайной террористической группы в Петербурге, превратился в сторонника консервативной старофинской партии, которой всякие тираноборческие устремления были чужды и враждебны. Лассила стал жертвой демагогии старофиннов, искавших опоры в крестьянстве и обещавших облегчить положение так называемых торпарей, мелких арендаторов.

Однако и самому Лассила его метаморфоза уже тогда казалась столь неожиданной и парадоксальной, что на страницах романа он не раз возвращается к ее объяснению, и читатель постоянно чувствует, какое беспокойство она доставляет автору. Всепоглощающий скептицизм Хархама на этот раз оказался спасительным, сотрудничество со старофиннами не принесло ему душевного равновесия — напротив, «у него было такое чувство, словно жизнь швырнула его в какое-то болото, куда он и сам не думал попасть», — читаем в романе.

Идеализацию крестьянства Лассила преодолел как раз в последующих своих юмористических произведениях, и это обстоятельство очень важно учесть, если мы хотим понять, каким образом Лассила-юморист соотносится с революционной эпохой.

Сегодня, когда в финской критике довольно много пишется об «отчуждении», не лишне вспомнить, что именно Лассила был первым финским художником, кто с такой гротескной заостренностью показал, как под воздействием собственности, подчас даже мнимой, еще не приобретенной, а существующей только в воображении, от человека отчуждается его подлинная сущность. Юмор Лассила ярко антибуржуазен, и этим определяются многие его эстетические особенности.

Между тем о юморе Лассила писалось и в том духе, что после «Хархама» с его слож-

ной проблематикой и социальными антагонизмами писатель обрел в обществе своих сельских простаков некий идеальный добуржуазный мир, некий «потерянный рай», как выразился еще Э. Лейно. А современный исследователь Р. Коскимиес усматривает в комических персонажах Лассила первозданных «детей природы», носителей «извечных» человеческих качеств.

Но в том-то и дело, что юмористические персонажи Лассила суть прямая противоположность как руссоистскому идеалу «естественного человека», так и его позднейшим вариантам. В финской литературе еще Алексис Киви в «Семерых братьях» (1870) показал несовместимость патриархальных идеалов с начавшимся буржуазным развитием, однако его комические герои все же выступали еще носителями этих идеалов, возмечтавшими жить вольной охотничьей жизнью вдали от современного общества.

По сравнению с героями Киви или Юхани Ахо в юмористических героях Лассила отразилась уже иная стадия развития буржуазного общества. Буржуазность не только вокруг них, но и в них самих. Они не только не бунтуют против норм собственнической морали, но и сами поступают в согласии с этими нормами, и о руссоистской «неиспорченности» здесь не может быть и речи.

Чтобы наглядно представить себе это различие между героями Киви и Лассила, приведем лишь один пример. Когда Юхани Юкола в «Семерых братьях» в споре с помещиком хочет сбить с него дворянскую спесь и отстаивать свое человеческое достоинство, он тотчас же ссылается на характерное для патриархального мышления «естественное право», на то, что природа создала всех равными. Несколько грубовато, но зато очень популярно и доступно Юхани разъясняет своему оппоненту: «Закон для всех один! Хоть ты, хоть я — оба мы выскочили на свет из-под бабьего подола, одинаково голенькие, совсем одинаково, и ты ни капельки не лучше меня. А твоё дворянство? Пусть капнет на него наш одноглазый петух! Закон для всех один!»

Но вот Юсси Ватанену в повести «За спичками» потребовалось защитить свою честь, поскольку его несправедливо обвинили в краже чужой лошади. Первой, совершенно естественной для него реакцией является энергичная ссылка на свое богатство — оно для него самый веский аргумент. Он с гордостью говорит полицейскому чиновнику: «В моем собственном хлеве день и ночь режут пятнадцать дойных коров! И молока у меня столько, что я согласен даже и тебя молоком поить. Мне не требуется красть чужих лошадей».

Нельзя сказать, чтобы героям повести «За спичками» были совершенно чужды естественные влечения сердца, какие-то душевные движения, лишённые корысти и прозаической выгоды. Подчас их даже охватывает

Э. КАРХУ
ПУТЬ К РЕВОЛЮЦИИ

нечто похожее на слабое чувство раскаяния за чрезмерную меркантильность в брачных делах. Но чувство это мимолетно и преходяще, потому что все человеческое в них так задавлено бесконечными материальными расчетами, загнано в столь труднодоступные расселины их заскорузлых душ, что обычно только под влиянием выпитого может на миг пробиться наружу, чтобы, однако, в первую же минуту протрезвления вновь быть погребенным под трезвой расчётливостью. Подвыпивший портняжка Тахво Кенонен в весьма трогательных красках и не без хвастливого самолюбования изображает свою рыцарскую верность давней любви к Анне-Лийсе, некогда вышедшей по расчету за Антти Ихалайнена. Но как только, после ложного слуха о смерти Антти, портной всерьез вознамерился соединиться со своею любовью, он тотчас же учиняет в доме невесты настоящую ревизию всему ее имуществу, не забывая ни о коровах, ни о марках, ни о хозяйском костюме, который Тахво срочно перешивает на себя.

О каких же первоизданных «детях природы», о каком обретении «потерянного рая» здесь можно говорить? Идеализация крестьянства и прежней патриархальной общины, апелляция к гармоническому «веку Вяйнямейнена» были действительно присущи роману «Хархама», но не юмористическим произведениям Лассила, в которых он как раз разрушает эти иллюзии.

Но что значит в юмористических героях Лассила это торжество буржуазности, это всепроникающее влияние собственнической психологии, поработившей не только зажиточных сельских хозяев, но и полуничих торпарей и бродячих портных?

Сатирический смех Лассила был одним из наиболее ранних в финской прозе откликов на объективное требование революционной эпохи, предполагавшей уже иной подход к крестьянству, чем, например, полвека тому назад, когда творил Алексис Киви. Тогда крестьянство практически и составляло финский народ, и прогрессивная литература видела свою задачу в том, чтобы это «последнее сословие» феодального общества утвердило себя во всех правах, осознав свою первостепенную роль в историческом движении. Недаром финский поэт Якко Ютейни еще в начале XIX века писал, что крестьянство является основой общества, тем могучим потоком, который приводит в движение «мельничный жернов» государства, тогда как господа — только бесполезная пена. Именно с крестьянством связывал и Киви свои надежды на будущий расцвет родины.

В эпоху же Лассила во главу исторического движения выдвинулся рабочий класс, а крестьянство стало союзником, преодолевая в ходе общественной борьбы свою мелкобуржуазную ограниченность, утопические черты своего мировоззрения. Для прогрессивной литературы стало чрезвычайно важно показать и социальную порабощенность сельского бедняка, родившую его с угнетенным положением рабо-

чего, и то, в чем крестьянин оставался пленником мелкобуржуазной психологии или же патриархальных утопий.

Первую из задач стремился осуществить в своих книгах Ирмари Рантамала, тогда как на второй сосредоточил свои усилия Лассила-юморист. Этим необычным «разделением труда» и можно объяснить ту раздвоенность писательского «я», которую Э. Эрхо называет «загадкой двуликого Януса».

В самом деле, и Ирмари Рантамала и Лассила-юморист могут изображать одинаковых в социальном отношении героев: крестьян, торпарей, бездомных бедняков. Но весь вопрос в том, как изображать: или как жертву социального угнетения, или же в таких качествах, которые навязаны бедняку буржуазным обществом с его моралью и которые как раз мешают ему осознать свое истинное положение и истинную человеческую сущность.

Разоряющиеся торпаря, бедствующие городские низы — это герои Ирмари Рантамала (и И. И. Ватанена), а не Майю Лассила. Последний изображает торпарей совсем иначе — например, в юмористической повести «Пиртипохья и ее обитатели», где герои бесконечно ссорятся друг с другом из-за усадьбы, которой они хотят завладеть. В них обнажается опять-таки мелкобуржуазность мышления, и этой теме посвящена повесть. Только в произведениях под двумя первыми псевдонимами писатель описывал непосредственно социальные трагедии деревни и города, страдания народа, в которых был повинен не сам народ, а условия его жизни в капиталистическом обществе. Этот акцент на виновности общества очень важен, ибо он определяет интонацию повествования. В обрисовке страдающих героев в таких произведениях нет юмора, тем более сатирической насмешки. Например, воспроизводя во всех деталях их медлительную речь, автор избегает придавать ей юмористический оттенок, тогда как, скажем, в повести «За спичками» обыгрывание этой медлительности является одним из способов достижения комического эффекта. В тональности неюмористических произведений преобладает жалостливая чувствительность, горестная патетика, иногда даже слезная сентиментальность. Эти книги писателя не имели заметного успеха и повторно не издавались.

Любопытно, что если в произведениях, вышедших под псевдонимом Ирмари Рантамала, показана трудовая жизнь героев с ее тяготами, то в юмористических повестях Лассила крестьянский труд скорее предполагается, чем изображается. Автор не хочет высмеивать крестьянина-труженика и потому как бы выключает его временно из трудовой сферы. Как юмористу, ему важна в данном случае другая сторона крестьянской «природы», и повествование строится обычно на авантюрной фабуле, герои отлучаются из дому и странствуют, причем их приключения такого рода, что при всей их невероятности в героях обнажается унылая меркантильность мышления.

В реалистическом подходе к крестьянству и к его положению в изменяющемся мире заключается один из важных уроков Лассила для финской литературы. Его художественный опыт имел несомненное значение для таких крупных писателей 30—40-х годов, как Хелла Вуолийоки и Пентти Хаанпяя, при всем своеобразии их творческих манер. Вместе с тем у Лассила есть что сказать и современным авторам «крестьянской темы».

Приведем одно любопытное признание Вяйне Линна. Как-то, лет десять тому назад, он говорил об исторической молодости финского народа, образно выразившись, что финны только в наши дни выходят из стадии «берестяной» цивилизации. Эти слова, конечно, не следует понимать буквально — Линна отлично знает, что даже в сельском обиходе бересту в Финляндии сегодня встретишь куда реже, чем синтетику. Речь идет о крестьянском укладе жизни и крестьянской культуре, место и роль которых в современной Финляндии продолжают быстро меняться. По последним статистическим данным в этой традиционной «крестьянской» стране сегодня только четверть населения связана с сельским хозяйством, и в дальнейшем доля эта будет уменьшаться. Социальные сдвиги настолько интенсивны, что они не могут не влиять на мироощущение даже такого «крестьянского» писателя, как Линна. Ему и сегодня очень дорог идеал свободного и независимого земледельца, в котором писатели XIX века видели первооснову общества и самобытной национальной культуры. С точки зрения этого идеала Линна в своей трилогии «Здесь под северной звездой» показал героическую борьбу торпарей за землю в 1918 году, но этот же идеал ограничивает его понимание современных общественных процессов, не позволяя в правильной перспективе увидеть те силы, которые борются за социализм.

Линна, конечно, не столь наивен, чтобы не сознавать утопичности идеала «крестьянской демократии» в современных условиях. Происходящие в обществе сдвиги все настойчивее ставят перед ним вопрос: а что же будет с финнами после «берестяной» цивилизации, куда движется история? Другими словами, перед Линна и близкими ему художниками встает проблема выбора, которую он, насколько можно судить, до конца пока решить не готов. К упомянутой реплике об исторической молодости финнов Линна добавил, что перед ними еще большой путь развития, но куда пойдет это развитие, «под каким флагом», он не берется сказать.

Майю Лассила тоже выступал в защиту торпарей и в «Письмах буржуа» писал, что наличие сильного класса свободных земледельцев он считает необходимым условием всякого здорового общества. Но Лассила к тому времени уже приходил к убеждению, что развиваться здоровое общество может только на социалистических началах.

Повести «Сверхумный» (1915) и «Воскрешший из мертвых» (1916), наиболее значительные из последних юмористических произведений Лассила, в какой-то мере уже предвосхищали итоговый этап его биографии — переход на позиции рабочего класса. Не имея возможности остановиться на этих повестях подробнее, отметим только, что герой второй из них, хельсинкский босяк Ионни Лумпери, едва ли не единственный юмористический персонаж Лассила, против которого буржуазная меркантильность оказывается бессильной. Она может позабавить его веселой игрой в «миллионера» и в мнимые торговые сделки, начало которой положил случайный лотерейный выигрыш; она может побудить его ради лишней выпивки продать даже свой гроб и свое тело, но она не может полонить его душу. «Душа, — философствует Ионни, — должна быть свободна, как ветер. Миллион пусть себе кружит по белому свету, чтоб душа к нему не приставилась».

Все прежние герои Лассила, поработанные собственностью, были скорее лишь пародией на людей, лишь оболочкой атрофированной человечности. И только в босяке Ионни, в этом обжоре и выпивохе, человеческое торжествует над стяжательством. Победа дается ему не без некоторой борьбы, марки угрожают поработить и его. Но уже в той сцене, когда счастливый Ионни, получив наличными свой выигрыш, отправляется не в банк, чтобы открыть счет и наращивать проценты, а первым делом к рыночной колбаснице Лизе, чтобы набрать себе вдоволь еды и небрежным жестом бросить на прилавок тысячную ассигнацию, — уже в этой сцене ясно, куда будет клониться победа. Пусть кругозор Ионни по-своему ограничен, пусть его помыслами руководят преимущественно гастрономические желания, и все же он остается человеком, личностью, потому что не деньги и вещи властны над ним, а он властен над деньгами и вещами — этими главными фетишами буржуазного мира. Писатель в шутку сравнивает своего героя с библейским Самсоном, и Ионни воистину одолел козны новой Далилы — прогнувшуюся было в нем страсть к накопительству.

Авантюры Ионни, как и «проповеди» Сакари в повести «Сверхумный», превращаются в злую пародию на современное им общество. Оба героя играют в произведениях двоякую роль: подобно тому как Ионни одновременно и «миллионер», и отрицатель стяжательства, так же и душевнобольной Сакари не просто религиозный фанатик и затемнитель истины, но и наивный проstack, устами которого истина как раз себя выражает. Недаром Сакари роняет в одной из своих «проповедей» мысль о том, что «лишь устами сумасшедшего финский народ отваживается и может сказать о себе правду».

Э. КАРХУ
ПУТЬ К РЕВОЛЮЦИИ

Нелепость и антигуманистическая сущность буржуазного миропорядка, в котором человеку отведена роль придатка собственности, а народ хотят превратить в послушное орудие политических спекуляций богачей, показаны в повестях «Сверхумный» и «Воскресший из мертвых» с такой нравственной бескомпромиссностью, что писателю уже невозможно было откладывать тот вопрос о выборе, который был поставлен им еще в «Хархаме»: социализм или капитализм?

Нельзя считать случайным, что именно после этих повестей Лассила стал с лета 1916 года сотрудничать в центральном органе финской социал-демократической партии газете «Тюэмнес», избрав ее отныне своей трибуной.

Сами события торопили Лассила. Публикация его «Писем буржуа» в трех номерах газеты «Тюэмнес» в конце июня — начале июля 1916 года носила экстренный характер: в Финляндии вот-вот должны были состояться очередные парламентские выборы, и Лассила хотел дать напутствие торпарям, чтобы они голосовали за социал-демократов.

Принципиально новым в «Письмах» является настойчивое утверждение автора, что только сами угнетенные массы могут освободить себя, не передоверяя своей судьбы никому другому. Напомним, что в романе «Хархаме» автобиографический герой еще был одержим идеей «мессиянства», он видел себя в роли спасителя всех страждущих. Это была позиция утописта-интеллигента, смущенного слишком «грубой» силой порабощенного класса и полагающего, что в более идеальной форме помощь могла прийти извне, со стороны самых гуманных, страдающих, образованных и т. д. представителей других классов.

Впрочем, справедливо ли проблему выбора в случае с Лассила, которого нередко называют писателем-самоучкой, расценивать как специфически «интеллигентскую»?

Прирожденный полиглот, самостоятельно овладевший основными европейскими языками и проявлявший интерес к восточным языкам, знаток русской классики и мировой литературы, Лассила в образованности едва ли в чем уступал кому-либо из своих финских современников. Творчество Лассила развивалось не в провинциальной изоляции, а впитало в себя огромный художественный опыт многих литератур. В раннем романе «Хархаме» разнородные литературные влияния (включая Достоевского и Горького) лежат еще на поверхности и сравнительно легко уловимы, тогда как у зрелого Лассила они уходят вглубь, опосредованные самобытностью возмужавшего таланта. Лассила-юморист очень многим обязан своему соотечественнику Киви, а также и Сервантесу, бессмертный роман которого он внимательно изучал по множеству разноязычных изданий. В повестях и комедиях Лассила можно найти общие точки соприкосновения с творчеством Гоголя, с которым его сближает некоторая родственность художественного зрения.

А в повестях Лассила о детях, при всем национальном и индивидуальном своеобразии его юмора, чувствуется влияние Марка Твена.

Таким образом, «самоучка» Лассила не варился в собственном соку, а как истинно образованный писатель проявлял незаурядную широту художественных интересов. Но когда речь идет о принадлежности Лассила к интеллигенции, дело тут даже не просто в образованности и в художественном кругозоре, а в том, что сам подход писателя к важнейшим вопросам своего времени, его мучительные сомнения и поиски, его сложный путь в революцию обнаруживают в себе немало общего с теми социально-психологическими «комплексами», с которыми в ту переломную эпоху сталкивались многие финские интеллигенты (пусть лишь считанные из них повторили путь Лассила вплоть до революционного финала).

Говоря о Лассила и проблеме интеллигенции в период революции, важно помнить, что к тому времени финская интеллигенция была еще очень молода — в этом специфика «молодых народов», к которым Линна причислил и финнов. Формирование ее началось вместе с зарождением финского национального движения в XIX веке. В условиях национального гнета, когда правящие классы продолжали примыкать к сфере шведской культуры, финский народ должен был выдвигать свою интеллигенцию из собственных недр, вследствие чего она была демократической по своему происхождению. В Финляндии никогда не было дворянской интеллигенции за исключением редких лиц шведского происхождения. Первые финские интеллигенты — это дети крестьян, сельских ремесленников, мелкого духовенства. Крестьянское происхождение Лассила — продолжение той же традиции, характерной для многих финских писателей.

Казалось бы, эти «интеллигенты в первом поколении» не успели утратить своего демократизма и отдалиться от народной среды. Правда, симптомы этого негативного процесса запечатлела литература — например, Арвид Ярнефельт в романе «Отечество» (1893), где выдвигалась задача обратного «слияния с народом» в форме, близкой к толстовскому «опрощению»: сам Ярнефельт был сыном дворянина, и для него эта проблема приобретала особый смысл.

Однако едва ли кто мог тогда предполагать столь запущенную стадию болезни, как это обнаружилось в 1918 году, когда многие писатели, в том числе и Ярнефельт, не приняли революции. В лучшем случае они пытались остаться «над схваткой», но это мало кому удалось. Результатом было только то, что, осуждая «крайности» как революции, так и контрреволюции, они обрели себя на духовный крах, ища тщетного спасения кто в добровольной эмиграции из растерзанной и окровавленной страны, кто в стремлении погрузиться в «нирвану». В их писательской и человеческой

судьбе это было трагедией, но, в отличие от Майю Лассила, трагедией отнюдь не героической. В судьбе же Лассила, при всем ее трагизме, революция означала подлинно героический взлет человеческого духа.

Взлет этот был результатом мужественного преодоления собственных заблуждений и предрассудков. Не случайно Лассила назвал свои первые статьи в рабочей газете «Письмами буржуа» — это была исповедь человека, временно оказавшегося в чужом стане и сводившего теперь счеты с прошлым. Вспоминая о своем сотрудничестве со старофинской партией, Лассила чувствовал себя глубоко обманутым.

Между прочим, выраженная в «Письмах буржуа» мысль о том, что нищей духом буржуазии приходится брать все «напрокат», в том числе литературные таланты, проливает свет на причины «отшельничества» Лассила, на некоторые его поступки, со стороны могущие показаться просто чудачеством, даже манией. Однако для самого писателя это было способом противодействия весьма реальной угрозе: в обществе, в котором все превращалось в товар и получало меновую стоимость, Лассила должен был проявлять особую заботу о том, чтобы отстоять свою творческую свободу и независимость мысли. Высмеивая меркантильность в своих героях, он не хотел стать ее жертвой сам. А ведь попытки обвинить его в том же грехе были. Упомянул же его К. С. Лаурилла ярмарочному шарманщику, утверждая, будто единственно, чего добивался Лассила своим смехом над крестьянами, это «заставить раскошиться публику, а иногда, как видно, даже государство», — эти последние слова были намеком на премию, которой была отмечена повесть «За спичками» и от которой писатель публично отказался. А более ранняя история с романом «Хархама», когда старофинны объявили Лассила «своим» автором, тоже послужила жестоким уроком, показавшим, что посягательства буржуазных партий на его талант вовсе не исключались.

Все это вызывало во впечатлительной натуре Лассила острейшую реакцию, развилось в нем доходящая до аскетизма нравственную щепетильность, которой он стремился подчинить каждый свой шаг, каждый день своей жизни. Ему хотелось остаться наедине с самим собой, чтобы оградить себя от влияния, быть духовно независимым, спокойно разобраться в себе самом и в сложности происходящего вокруг. Он не хотел никому быть обязанным — и ни с кем не вступал в личные отношения. Он заподозрил в премии подачку — и отверг ее, заявив через газету, что щедевров он не пишет и на премии не претендует. Он годами жил очень неустроенно, почти впроголодь, но к размеру гонораров за свои произведения был подчеркнута равнодушен, чтобы не дать своим врагам повода упрекнуть себя в корыстолюбии.

Эти нравственные принципы, конечно, окрашены человеческой индивидуальностью Лассила, но в их суровой бескомпромиссности отразилась и суровость революцион-

ной эпохи. Здесь требовалось сознательное самоограничение, даже жертвы, и Лассила был готов на них. Опубликовав в рабочей газете «Письма буржуа» и предвидя, что после этого шага буржуазные издательства не будут печатать и его художественных произведений, Лассила даже заявил, что с художественным творчеством для него теперь покончено.

Так что «отшельничество» Лассила — не форма мизантропии и не одиночество современного герметиста, окончательно разувившегося в человеческом взаимопонимании и солидарности. Это было состояние человека, который в процессе сложных исканий и беспощадной самопроверки рвал последние духовные связи с буржуазией и буржуазно-интеллигентским мышлением, чтобы обрести себя в борьбе пролетариата за социализм.

«Письма буржуа», опубликованные за полтора года до начала рабочей революции в Финляндии, Лассила закончил следующими знаменательными словами:

«Мы, буржуа, однако, осуждены уже на смерть, на уход из этого мира. Перед нами чернеет унылый вечер нашего близкого конца. Силу жизни, как видно, дает только социализм. За ним будущее. Все здоровое, что достигнуто за последнее время, стало возможно, как это совершенно очевидно, только благодаря энергии и натиску социализма... А мы, буржуа, обречены уже на то, чтобы забавлять себя погремушками из костей мертвецов».

Когда в Финляндии вспыхнула революция, Лассила в статье «Вперед!» писал, что гражданская война была навязана трудящимся буржуазией. Объявив созданные ею отряды шюцкора вооруженными силами государства, финская буржуазия хотела поставить народ на колени, и у пролетариата и беднейшего крестьянства не было иного выхода, кроме как взяться за оружие. Словно предчувствуя, какой свирепый террор постигнет восставших в случае поражения, Лассила призывал их к решительным действиям. Не могло быть упований на возможность компромисса, пришел конец бесполезным словопрениям, народ должен был утвердить свою волю с помощью революционного насилия.

«Вперед!

Довольно слов, довольно увещеваний. Наши уши теперь не слышат, а рабовладельцы и подавно глухи к жалобам своих рабов. Стойко держитесь на поле брани, ибо угнетатель внемлет только звону меча в руке угнетенного. Позади нас — могила для нашей свободы. Свобода — впереди. И потому:

Вперед!»

И все же в статье «Если бы...», появившейся 28 февраля 1918 года, когда в Хельсинки и во многих районах страны была уже установлена революционная власть, но когда решающие битвы были еще впереди,

---

Э. КАРХУ
ПУТЬ К РЕВОЛЮЦИИ

Лассила обратился к «лучшей части буржуазии» — к интеллигенции, к студенчеству — с призывом быть достойными великого исторического момента и отмежеваться от контрреволюции, от капиталистов, банкиров, биржевых спекулянтов, готовившихся потопить народ в крови. Писатель напомнил, что на фронте здания университета в Хельсинки выбита многозначительная надпись: «Для своей надежды воздвигло отечество». Но теперь, говорил Лассила, все надежды Финляндии были неразрывно связаны с борьбой рабочего класса, и разве университетской молодежи пристало быть вместе с палачами народной свободы? Почему же так называемые «егери», в большинстве своем студенты, обучавшиеся в Германии военному делу ради «освобождения отечества», сражались теперь в стане врагов народа?

В отличие, скажем, от Эйно Лейно, который в своей «Песне неприкаянного» с пронзительным трагизмом выразил печальную участь индивидуалиста, утратившего связь и с родиной, и с народом, для Лассила все личное слилось с общенародным, и естественный пафос его предсмертных статей — именно в этой слитности, потому что в бессмертии рабочего дела мог обрести он мужество перед лицом физического небытия. Это придает статьям Лассила особую проникновенность, особую нравственную силу. Хотя он говорит в них и о себе, а одна статья так и называется: «Наедине с самим собой» и даже по форме напоминает исповедь, но в них нет и намека на какую-то личную жертвенность, как нет и поэмы пророка, жаждущего поучать. Это скорее напутствие человека, пришедшего к истине очень трудным путем и желающего облегчить его для других.

В связи с гибелью Лассила задавались вопросы: почему он дал арестовать себя, почему заблаговременно не эмигрировал в Советскую Россию, пока это было еще возможно, почему не ушел в подполье и не скрывался в Хельсинки, где ему припасли убежище? В поисках объяснений указывали, в частности, на то, что писатель не ожидал смертного приговора, полагая, что дело ограничится несколькими годами тюрьмы.

Но, как отметила Э. Эрхо, быть может, самое правильное объяснение мы найдем в последней статье самого Лассила, в той ее части, в которой речь идет об отношении интеллигенции к революции. В статье «Полагаясь на свои собственные силы» Лассила писал, что как раз во время работы над нею ему принесли другую статью, автор которой хотел объяснить на страницах «Тюэмнес», почему представители так называемого «образованного общества» не сочли возможным поддержать восставший народ. Конечно, говорил Лассила в ответ на эти объяснения, каждый действует в соответствии со своими убеждениями, но и рабочий класс вправе сделать для себя выводы.

«Как бы ни было желательно, — писал Лассила, — чтобы так называемая образованная прослойка прониклась пониманием

бедствий рабочего класса, как бы ни хотелось, чтобы она прочно связала с ним свою судьбу как в победах, так и в поражениях, но сила и спасение рабочего класса заключены в нем самом. Все, что не входит в собственно пролетариат, остается обособленным от него. Эти обособленные могут приблизиться к нему, когда светит солнце и порхают над цветами мотыльки, но уже наступление ночи приводит их в трепет, а когда вся тяжесть жизни обрушивается на рабочий класс, они и вовсе покидают его. У них не хватает духа, чтобы вместе встретить и поражение, вместе разделить общую участь и в ошибках, вместе держать ответ и за неверный шаг, а не умывать руки... Ни на одном из этапов не должно быть среди рабочего класса этих «умывателей рук», ибо они — предатели. В умывании рук ищут своего спасения в час испытаний только те жалкие люди, у которых вместо сердца — мякина, составляющая их единственное духовное богатство. Ведь потому и неглубока чаша с водой, чтобы только мелкие души могли искать в ней свое спасение».

С точки зрения этого избранного им для себя нравственного императива всякий уход в подполье, всякая эмиграция, всякое физическое спасение, не говоря уж об идейном отступничестве, казались Лассила предательством, отклонением от тех принципов революционной солидарности, к которым он пришел сам и которые внушал другим. Ведь рядовые красногвардейцы, рабочие и торпари не могли все эмигрировать, не могли уйти в подполье, и Лассила решил остаться с ними до конца, до последнего выстрела, чтобы разделить общую участь. Своим поступком он вовсе не призывал отдаваться на милость буржуазного «правосудия» — для него это было способом доказать свою личную неотторжимость от революции и рабочего класса даже в поражении.

Разумеется, здесь речи не может быть ни о фатализме, ни об интеллигентском «покаянии» — это понимали даже те современники Лассила, которых революция отбросила по другую сторону баррикад. Например, Юхани Ахо при всей своей брани в адрес восставших не мог не признать того, что революция дала своим певцам решительное преимущество перед писателями, отвернувшимися от нее. Причисляя себя к буржуазному лагерю, Ахо писал о Лассила и других революционных писателях: «По сравнению с нами они имеют то преимущество, что у них есть идея и дело, за которое они борются. Этой ясности у нас нет».

Борьба за демократию и социализм продолжается в Финляндии и в наши дни, и сегодня прогрессивные ее представители по существу продолжают то дело, за которое боролся и погиб Майю Лассила. Разве это не общепризнанный теперь в Финляндии факт, что в течение продолжительного периода после революции, в двадцатые-тридцатые годы, большинство финской интеллигенции шло на поводу политической ре-

акции? И разве в числе первых признаков обновления после 1944 года не было «Мрачного монолога» Олави Пааволайнена и других книг, вплоть до сравнительно недавнего романа Пааво Ринтала «Слуги в седле» (1963), в которых нередко с «покаянными» интонациями выясняются застарелые заблуждения финской интеллигенции и мера ее ответственности за прошлые катастрофы?

Лассила был далек от того, чтобы призывать рабочий класс к духовному сектантству, к псевдореволюционной самоизоляции от человеческой культуры, к подмене ее какими-то «массовыми» суррогатами, то ли вроде современного поп-арта, то ли в духе новейших восточных цитатников. Напротив, Лассила считал, что господствующие классы слишком долго держали финский народ как в смысле телесной, так и духовной нищеты на положении Пааво Саариярви, героя популярной в Финляндии рунеберговской баллады, который даже в урожайный год ел хлеб с примесью сосновой коры. Видя одну из причин поражения революции в духовной отсталости народных низов, Лассила в своей предсмертной статье писал, что в будущем финские рабочие должны всеми силами стремиться к высокой культуре, ибо без нее социализм немислим. «Без духовных сил,— писал он,— физическая сила рук не даст должного эффекта. Будущее социалистическое общество с его тысячью задач представляет собой

сложнейшую структуру и потребует от своих членов высокой духовности».

Все это связывает Лассила с живым делом современной культуры. Принадлежа истории, он принадлежит и настоящему, его наследие нужно и сегодняшнему дню. Не случайно интерес к нему в послевоенные десятилетия заметно возрос. И не только академический интерес. Отнюдь не усилиями буржуазной академической науки, а по инициативе коммунистов вскоре после окончания войны было создано «Общество Майю Лассила» с целью содействовать собиранию и популяризации его литературного наследия, особенно революционной публицистики, затерявшейся на пожелтевших страницах старых газет. В 1948 году статьи Лассила были впервые изданы отдельным сборником, и в условиях начавшегося тогда возрождения демократических традиций в Финляндии это был символический акт, восстанавливавший определенную преемственность в культурном развитии. Для прогрессивной общественности, для демократического крыла финской интеллигенции возвращенные к жизни статьи Лассила явились как бы лучом света, пробившимся сквозь десятилетия реакции, чтобы ярче осветить современные задачи.

Своим творчеством и уроками своей жизни Лассила и сегодня остается активным союзником тех, кто борется за прогресс, демократию, социализм.

